

является производство административного досмотра. Досмотр производится в соответствии с КоАП и является одной из мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ предусмотрено, что разновидностями досмотра являются: личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице.

Ст. 27.7 КоАП РФ дает право уполномоченным должностным лицам проводить досмотр в случае необходимости в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения в присутствии двух понятых. Имеются и дополнительные условия: личный досмотр производится лицом одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола (ч. 3); в исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без понятых (ч. 4); о досмотре составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе о доставлении или в протоколе об административном задержании (ч. 6).

В этой связи у правоприменителей часто возникают вопросы о законности производства досмотра как одной из мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в целях обнаружения и изъятия каких-либо предметов, когда речь идет не об административном правонарушении, а об уголовно-противоправном деянии.

Полагаем, что практика проведения изъятий на стадии возбуждения уголовного дела в ходе административного досмотра неправомерна, потому что необходимо четко различать и разграничивать уголовно-процессуальную деятельность, осуществляемую на стадии возбуждения уголовного дела, и административную деятельность, осуществляемую на основаниях и в порядке, предусмотренных КоАП РФ.

Бесспорно, что наиболее согласуется с действующим уголовно-процессуальным законом изъятие предметов на первоначальном этапе расследования посредством производства выемки, обыска и личного обыска в порядке, предусмотренном ст. 182–184 УПК РФ, но производство данных следственных действий возможно только после возбуждения уголовного дела. Именно на это обращалось внимание в информационном письме Генеральной прокуратуры РФ от 20 августа 2014 г. № 36-11-2014 «О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела»: «на стадии проверки сообщения о преступлении изъятие предметов и документов может быть произведено только в рамках осмотра места происшествия». Производство недопустимых на стадии проверки сообщения

о преступлении следственных действий влечет за собой принятие процессуальных решений об отмене незаконных постановлений и признании соответствующих протоколов недопустимыми доказательствами.

В заключение отметим, что проанализированная совокупность действующих федеральных законов, ведомственных нормативных актов не наделяет правоприменителей надежным арсеналом для обеспечения безупречности изъятия материальных объектов и допускаемые правоприменителями нарушения являются следствием отсутствия процессуального (нормативного) инструментария, который позволял бы проводить изъятия предметов, документов, веществ в строгом соответствии с правовыми нормами.

1. Елагина Е.В., Аверьянова Т.В. К вопросу о недопустимости расширительного толкования возможности «изъятия» и «истребования» применительно к производству следственных действий, осуществляемых в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144–145 УПК РФ // *Вестн. криминологии*. 2015. № 2. С. 63–71.

2. Казаринова Л.В. Обеспечение безопасности осужденных при производстве неотложных следственных действий в расследовании преступлений против жизни // *Рос. следователь*. 2011. № 16. С. 35–37.

3. Великий Д.П. Практика применения норм о допустимости доказательств в уголовном процессе // *Журн. рос. права*. 2014. № 6. С. 95–100.

УДК 343.1

М.М. Якубель

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Институт понятых присутствует в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси достаточно продолжительный период времени. Впервые получив нормативное закрепление в Статуте Великого княжества Литовского 1529 г. как средство, позволявшее удостоверить содержание и подтвердить факт производства отдельных процессуальных действий, он сохранился до наших дней и достаточно активно используется при производстве по уголовным делам.

Вместе с тем за годы его существования порядок ведения уголовного процесса претерпел существенные изменения, которые обнаруживают все больше аспектов неэффективности использования данного института и ставят под сомнение его целесообразность в целом.

В научной литературе обращается внимание на такие проблемы реализации норм об участии понятых, как сложность в подборе указанных

участников (по возрасту, полу, отсутствию заинтересованности в исходе дела, состоянию здоровья и т. д.), невозможность обеспечить их присутствие в определенных местах и в определенное время суток (отдаленные по территориальности места, производство следственных действий в ночное время), нежелание граждан участвовать в уголовном процессе в качестве понятого (в силу занятости, в период сезонных простудных заболеваний и т. д.) [1, с. 192; 2, с. 137].

Кроме того, развитие научно-технического прогресса, появление, распространение и активное использование средств звуко- и видеозаписи убеждают в том, что их использование при производстве следственных действий более эффективно, чем привлечение понятых. Это связано с тем, что характеристики современных технических устройств (угол обзора, качество изображения, цветопередача, возможности фокусировки, чувствительность звукозаписывающей аппаратуры и т. д.) уже давно не уступают, а по многим показателям превосходят соответствующие возможности человеческого зрения, слуха и памяти.

Отчасти эта позиция нашла отражение и в законодательстве. Изменения, внесенные в ч. 1 ст. 202 УПК Республики Беларусь в 2019 г., совершенно обоснованно предоставили лицу, осуществляющему производство следственных действий, возможность заменить использование рассматриваемого уголовно-процессуального института применением средств звуко- и видеозаписи в случаях, не терпящих отлагательства, либо при отсутствии реальной возможности обеспечить участие понятых.

Начавшаяся в марте 2020 г. пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) заставила ученых и практиков по-новому взглянуть на многие институты уголовно-процессуального права, в том числе на институт понятых. Первые месяцы распространения вирусной инфекции характеризовались поступлением противоречивых сведений о ее течении, повсеместным введением карантинных мер, отсутствием действенного протокола лечения и соответствующей вакцины.

Стремительное стихийное распространение заболевания во многом было обусловлено высокой контагиозностью вируса и продолжительным инкубационным периодом болезни. Среди официальных рекомендаций по предупреждению заболеваемости, озвученных Всемирной организацией здравоохранения, сокращение числа личных контактов, соблюдение дистанции в общественных местах [3]. В качестве основных путей передачи COVID-19 названы непосредственный контакт с больным (рукопожатия, объятия), а также воздушно-капельный путь (при кашле, чихании и общении на близком расстоянии).

В сложившихся условиях распространения COVID-19 граждане стремились уклониться от участия в производстве следственных дей-

ствий в качестве понятых, чтобы не подвергать себя дополнительному риску инфицирования.

Общеизвестно, что производство следственных действий нередко длится достаточно продолжительный промежуток времени. Нередко они проводятся в помещениях (обыск, выемка, предъявление для опознания и др.), что еще более увеличивает вероятность заражения. В этой связи возникает вопрос о том, правомерно ли обращенное к гражданину требование органа уголовного преследования об участии в уголовном процессе в качестве понятого и вправе ли гражданин ответить отказом.

Согласно ч. 5 ст. 27 УПК Республики Беларусь требования органа уголовного преследования, предъявленные в соответствии с законом, обязательны для исполнения всеми организациями, должностными лицами и гражданами. Ст. 64 УПК Республики Беларусь закрепляет возможность привлечения лиц к участию в производстве следственных действий в качестве понятых, определяет понятие и процессуальный статус понятого в уголовном процессе. Анализ содержания приведенных норм указывает на наличие обязанности гражданина выполнить требование органа уголовного преследования об участии в следственном действии в качестве понятого.

Вместе с тем согласно положениям ч. 1 ст. 12 УПК Республики Беларусь, раскрывающей содержание принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном процессе, при производстве по материалам и уголовному делу запрещаются действия и решения, унижающие честь и умаляющие достоинство либо создающие опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса.

Следует отметить, что в настоящее время в УПК Республики Беларусь не содержится норма, разъясняющая, какие действия и решения следует считать опасными для жизни и здоровья участников уголовного процесса. В этой связи ранее в научной литературе уже возникали вопросы о том, является ли безопасным для понятого присутствие при производстве следственного действия, в котором также принимает участие подозреваемый, обвиняемый, имеющие какие-либо инфекционные и другие заболевания (туберкулез, гепатит и т. п.), которыми может заразиться понятой. В настоящее время в связи с пандемией COVID-19 затронутая проблема представляется особенно актуальной.

Согласно данным информационного интернет-ресурса Worldometer, по состоянию на начало октября 2020 г. в мире зарегистрировано около 39 млн случаев заражения данным вирусом и более 1 млн случаев летального исхода [4]. Следует учитывать также, что не все случаи заболевания отражены в статистике, имеют место и латентные случаи, кроме того, отдельные граждане переносят заболевание бессимптом-

но, являясь при этом носителями инфекции и представляя опасность заражения для других.

Таким образом, имеющиеся статистические данные, а также клинические проявления заболевания и возможность летального исхода убеждают в том, что привлечение граждан к участию в следственном действии в качестве понятых в период пандемии коронавируса создает определенную опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса, а такие действия и решения прямо запрещены ст. 12 УПК Республики Беларусь.

В этой связи полагаем, что обоснованная в научной литературе и наметившаяся в законодательстве тенденция снижения роли института понятых должна получить дальнейшую реализацию. Объективно понимаемая неготовность законодателя полностью отказаться от использования данного института, считаем целесообразным закрепить в уголовно-процессуальном законе право лица, производящего следственное действие, осуществить его без участия понятых с применением аудио- и видеозаписи во всех случаях, а не только в ситуациях, не терпящих отлагательства, либо при отсутствии реальной возможности обеспечить участие понятых.

По нашему мнению, это позволит обеспечить реализацию рассматриваемого института без нарушения принципов законности, а также уважения чести и достоинства личности и станет последовательным шагом на пути к полному отказу от его использования.

1. Якубель М.М., Карпицкий К.В. Институт понятых в уголовном процессе: проблемы, тенденции, перспективы // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. ст. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Ю.П. Шапелеров (пред.) [и др.]. Могилев, 2020. С. 191–197.

2. Мытник П.В. Институт понятых: «Карфаген должен быть разрушен!» // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2015. № 1. С. 134–141.

3. Рекомендации для населения в отношении инфекции, вызванной коронавирусом (COVID-19) [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения : сайт. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения: 10.10.2020).

4. COVID-19. CORONAVIRUSPANDEMIC [Electronic resource] // Worldometer : saite. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus> (date of access: 10.10.2020).

УДК 343.98 + 581.52

А.А. Авраменко

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ДРЕВЕСИНЫ, ДРЕВЕСНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ИЗДЕЛИЙ

При расследовании дел об убийствах, кражах, автотранспортных происшествиях, незаконной рубке лесных насаждений и др. достаточно часто на экспертизу направляются древесина и изделия из нее. При этом в рамках судебной ботанической экспертизы, как правило, требуется установить породу древесины и провести сравнительное исследование объектов с целью установления их общей (или различной) родовой (или групповой) принадлежности.

В настоящее время органами предварительного следствия используется далеко не вся информация, которую можно получить путем судебного экспертного исследования древесины. Например, установление принадлежности частей (фрагментов) древесины единому целому в большинстве случаев происходит в рамках судебной трасологической экспертизы, т. е. когда существует возможность нахождения общей линии разделения. Между тем с помощью дендрохронологического анализа эту задачу можно решать и тогда, когда исследуемые части древесины не являются непосредственным продолжением друг друга, т. е. когда между ними отсутствует значительная (>1,5 м) часть объекта. При этом исследуются не плоскости разделения, а годовые слои на поперечном срезе дерева.

Каждый годичный слой состоит из двух зон: внутренняя часть – ранняя древесина, образующаяся весной и в начале лета; наружная – поздняя древесина, образующаяся летом и осенью. Процесс образования каждого годичного слоя древесины зависит от биологических (внутренних) факторов – возраста, наследственных свойств, санитарного состояния и других индивидуальных особенностей особей и экологических (внешних) условий – почвы, рельефа, температурного и водного режима, солнечной радиации, густоты насаждений и иных причин.